

ский // СССР в борьбе за мир и безопасность народов: исторический опыт. – М., Междунар. отношения, 1984. – С. 224–233.

16. Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации. 1917-1962 гг. – М.: МИД Российской Федерации, 2002. – 413 с.

17. Фердросс, А. Международное право / А. Фердросс. М., Иностранная литература, 1959. – 652 с.

18. Aspaturian, V. The Union Republics in the Soviet Diplomacy: A Study of Soviet federalism in the service of Soviet foreign policy / V. Aspaturian. Paris—Geneve, Librairie E. Droz & Librairie Minard 1960. – 228 p.

19. Dollan, E. The Member Republics of the USSR as Subjects of the Law of Nations / E. Dollan // The International and Comparative Law Quarterly. – 1955. – № 4. – P. 629–636.

20. Verdross, A. Die Völkerrechtssubjektivität der Gliedstaaten der Sowjetunion / A. Verdross // Österreichische Zeitschrift für Öffentliches Recht. – 1948. – № 1. – S. 212-218.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В БССР В 1920-е гг.

Соловьянов А. П.

г. Минск,

Институт истории НАН Беларуси

В первой четверти XX века на долю населения Беларуси выпали тяжелые испытания. Боевые действия Первой мировой войны, революции, польско-советская война, бандитизм довели народное хозяйство до истощения и полного упадка. Экономика Беларуси находилась в удручающем положении, это время обескровило ее хозяйство. Весной 1918 г. в Беларуси фактически начался голод, который до конца 1921 г. стал реальией повседневной жизни. Посевные площади к 1920 г. сократились более чем на 30 %, а поголовье скота – на 50 %. Валовой сбор зерновых культур по сравнению с довоенным сократился более чем в два раза. Валовая продукция крупной промышленности в 1921 г. составила всего 21 % от уровня 1913 г. [1, с. 14, 23]. Большой урон был нанесен лесному хозяйству, железнодорожному и речному транспорту, кустарно-ремесленному производству.

Хуже всего приходилось населению городов. Не имея земли, дров и в большинстве своем хозяйства, горожане оказались на грани вымирания. Во многом из-за беспощадных, сплошных реквизиций продовольствия воинскими частями ситуация обострялась до крайности. Тяжелое положение сложилось с обеспечением продуктами питания в 1920 г. в Минске, Гомеле, Борисове, Жлобине и др. городах [2, л. 144; 3, л. 6, 84]. Женщины в 1920 г. требовали сначала накормить их детей, а потом уже призывать их к исполнению революционного долга [4, л. 101]. Заработная плата рабочих в 1920 г. составляла 10–20 % довоенного уровня. Мясо, овощи и другие продукты, не включенные в мизерный паек, можно было приобрести на рынке, но по спекулятивным ценам. Рабочим семьям они, как правило, были просто не по карману, и многие из них голодали [5, с. 123–124]. Тяжелым было положение городских средних слоев – мещан, служащих, ремесленников и кустарей, мелких предпринимателей. В таких условиях поместить ребенка в детдом было чуть ли не единственным выходом спасти его жизнь.

В начале 1921 г. продовольственное положение Беларуси оставалось чрезвычайно тяжелым. Вследствие различных причин (ненадежности транспорта и др.) не приходилось рассчитывать на получение крупных продресурсов от Советской России, а продрозверстка уже мало что давала [6, л. 218]. Население было доведено до отчаяния. В течение нескольких лет люди буквально голодали, в стране ощущался острый дефицит товаров первой необходимости и медикаментов [7, л. 17 об.]. Хлеб из мха, желудей и других суррогатов стал постоянной пищей значительной части населения. Кроме того, республику охватил топливный кризис.

Ситуация осложнялась жилищным кризисом. Сотни и тысячи домов в городах и местечках были совершенно разрушены или сожжены отходящим противником. Сильно пострадал, например, Минск. Почти все коммунальные предприятия в городах не работали, а работавшие были наполовину разрушены. При малых бюджетных возможностях и при общем сложном экономическом положении населения все это невозможно было быстро восстановить. В результате военных действий были разрушены помещения, в которых можно было бы разместить как учреждения, так и возвращающееся из эвакуации население. Такая ситуация сложилась, скажем, в Борисове в 1920 г. [3, л. 89]. На конференции железнодорож-

ников Минского узла в 1920 г. один из делегатов приветствовал заботу Советской власти о рабочих, но указывал, что в районе вокзалов поселилось много спекулянтов, которые занимали хорошие помещения, а рабочие теснились в подвалах [8, л. 37].

Несмотря на расширение жилищного строительства, средняя норма жилой площади на одного человека в БССР начиная с 1923 г. ежегодно снижалась. Строительство жилья не поспевало за ростом городского населения. В Минске с октября 1923 г. по октябрь 1926 г. жилая площадь на одного человека уменьшилась с 6,09 до 4,72 кв. м. Эта цифра уменьшалась до конца 20-х гг., когда ассигнования на ремонт и строительство жилых домов увеличились [5, с. 172; 9, с. 26]. Жилищный кризис чувствовался в столице довольно остро. Данное явление было присуще и другим городам БССР. Кроме того, само состояние жилых помещений было неудовлетворительным. Власти пытались изыскать средства и поддержать кооперативное рабочее строительство. Однако это не спасало ситуацию. Даже в 1928 г. жилье многих людей не отвечало элементарным санитарным требованиям. Власти вынуждены были прибегнуть к таким мерам, как переселение и уплотнение.

Совместное проживание в одном помещении нескольких семей рабочих было обыденным явлением, отрицательно сказывавшемся на моральном климате. Многие члены семей вынуждены были спать вповалку на общей семейной постели или ночевать на полатах, лежанках, сундуках, а часто на полу. От недостатка кроватей особенно сильно страдали дети и подростки. При обследовании первой Борисовской семилетки оказалось, что примерно половина детей спали по двое-трое с родителями, братьями и сестрами. Около 60 % учеников не имели нормального сна. Были плохими санитарно-гигиенические условия их жизни: мало света, спертый воздух, теснота, в жилых помещениях курили, детям негде было заниматься [10, с. 91, 92]. В некоторых семьях и вовсе спали на полу [11, л. 14].

Почти что не менялись жилищные условия крестьянства. Некоторое улучшение наметилось в первой половине 20-х гг., когда начали восстанавливать разрушенные войнами строения. В остальном жилые дома представляли собой небольшие деревянные строения с дощатым полом, которые освещались керосином и лучиной [5, с. 172–173]. В 1928 г. санитарная комиссия одной из сельских школ БССР провела осмотр условий жизни своих учеников. В ходе его выясни-

лось, что только 18 % домов находились в нормальном санитарном состоянии. Отдельно спали только 30 % учеников [12, с. 55].

В начале 1920-х гг. население открыто выражало свое недовольство новым правлением и указывало на злоупотребления со стороны комиссаров, неудачную экономическую политику, плохую работу местных органов власти, школ и т. д. Недовольство части населения властью сохранялось на протяжении всех 1920-х гг. Так, в 1929 г. в сводке партийных органов указывались разговоры крестьян: «Хлеба нет.... Коммунисты не умеют управлять, крестьян облагают большими налогами. Учиться могут рабочие и служащие, а крестьянам не дают ходу» [13, л. 507].

Усложняло положение безработица. В основном это явление коснулось городов. Сокращению подверглись в основном неквалифицированные и малоквалифицированные кадры в промышленности и часть служащих государственных учреждений. Безработица неизменно увеличивалась год от года. В августе 1921 г. в Витебской губернии числилось 2166 безработных, в Гомельской – 7784 [14, с. 131]. Среднегодовой уровень безработицы в республике в 1924/25 г. составлял 25496 чел., а в 1925/26 г. – уже 30310 чел. [15, с. 25]. Рост безработицы не был специфическим явлением Беларуси, он наблюдался и в целом по стране. Большое количество безработных составляли женщины и подростки.

Уровень безработицы оставался высоким вплоть до 1928 г. На 1 октября этого года в Советской Беларуси на биржах труда стояло 64407 чел. [16, с. 57]. С 1928 г. безработица пошла на спад как в целом в стране, так и в Беларуси. Однако все же положение оставалось довольно острым. Минский окружной исполком 30.04.1929 г. требовал от биржи труда при предстоящей чистке не снимать с учета остро нуждающихся матерей-одинок и при развертывании общественных работ предоставлять им места наравне с членами профсоюзов, что свидетельствовало о проблемах с трудоустройством матерей-одинок [17, л. 129]. Промышленность БССР не могла принять на работу даже всех нуждающихся подростков. Последние, особенно сироты, полусироты и дети городской бедноты, оказавшись на улице и без работы, часто попадали в обработку так называемых «блатных», становились ярко выраженными беспризорными, затем – крайне анархичными элементами в детских учреждениях или социально-опасными элементами улицы.

Одиноким матерям были лишены возможности содержать своих детей, в итоге в лучшем случае их ждал детдом, в худшем – улица. На протяжении всех 1920-х гг. одним из источников детской беспризорности являлось подкидывание детей. Основным «поставщиком» детской беспризорности являлись деревня и местечко из-за аграрного перенаселения, тяжелого материального положения бедноты. Не находя применения своим силам в деревне, не имея возможности прокормиться, дети бедноты и сироты уходили в город, но, не найдя там работы, они также пополняли ряды городских «жителей улицы».

Тяжелой проблемой оставалось обнищание широких слоев населения, большинство которого жило за чертой бедности. Жизненный уровень населения в 1920-е гг. оставался ниже того, который существовал в царской России. По расчетам П. Сорокина, до войны средний месячный заработок рабочего равнялся 21 руб. 25 коп., в 1920 г. – 3 руб., а в 1921 – 1922 гг. 2 – 7 руб. [18, с. 202]. На протяжении практически всех 1920-х гг. ощущался острый недостаток предметов первой необходимости – хлеба, одежды, обуви, керосина, спичек, мыла и др. Согласно мнению Ю.М. Иванова, в 1920-30-е гг. по сравнению с дореволюционным временем положение рабочего класса по многим ведущим показателям заметно ухудшилось [19, с. 41]. Не лучшей была доля крестьянства, над ним тяготели продрозверстка, голод, а затем – огромный продналог, «ножницы» цен. В сельской местности нередко получали за работу во время летнего периода мешок ржи. В 1924 г. в Могилевском округе 35 % сельского населения по официальной статистике считались бедняками [20, л. 63].

В результате низкого уровня жизни многие были просто не в состоянии содержать и воспитывать своих детей. В инструкции главсоцвоса заведующим окружными ОНО в 1926 г. указывалось, что в это время беспризорность оставалась огромной общественной проблемой в значительной степени вследствие материальных трудностей, нищеты городской и сельской бедноты. Дети деклассированной бедноты не имели трудовых навыков, становились постоянными посетителями базаров и пополняли ряды беспризорных. В 1924 г. в Лепеле выделили 63 ребенка, у которых хотя и имелись родители, но они были настолько бедны, что этих детей местная деткомиссия посчитала беспризорными [21, л. 24]. Многие родите-

ли небезосновательно полагали, что у их чад больше шансов выжить в детских учреждениях, чем на их скудный паек и зарплату. Отделы народного образования на протяжении всех 1920-х гг. были завалены заявлениями от служащих, матерей—одиночек, вдов и др. с просьбой поместить их детей в детские дома либо зачислить на сухой паек в связи с крайне тяжелым материальным положением и невозможностью их содержать [22, л. 30].

Смерть обоих, а чаще одного из родителей и ухудшение в связи с этим материального положения семьи вынуждало помещать оставшихся сирот в детские дома. Довольно много было просьб об оказании сиротам экстренной помощи даже в конце 1920-х гг., поскольку родственники, попечители не имели возможности их содержать, и дети могли оказаться на улице. Родные понимали: если не отправить ребенка в детский дом, он станет беспризорным. Многие дети не особенно желали идти в детские учреждения, хотели учиться и просили только, чтобы их кормили. Минская деткомиссия выплачивала в 1927 г. ежемесячно помощь от 3 до 5 руб. некоторым вдовам с малолетними детьми, которые не могли себя содержать, но этого было явно недостаточно и, конечно, не могло спасти ситуацию в целом [23, л. 46]. Иногда речь шла буквально о спасении ребенка от голодной смерти. Так, в 1928 г. в Минский окружной ОНО поступило заявление от безработной М., в котором она просила оказать помощь ее брату А., поскольку не имела жилплощади и не могла его содержать, он же «не имеет где притулиться, валяется по улице, ходит голодный и босой». Детей подкидывали и оставляли в детучреждениях [11, л. 3, 12, 12 об., 16, 436].

В особенно плохом положении находились семьи инвалидов, несмотря на некоторую поддержку со стороны государства данной категории населения. В 1925 г. были расформированы инвалидные дома, что ухудшило ситуацию [24, л. 212, 212 об.]. Материальное положение таких семей было настолько плохим, что воспитывать детей они не могли и вынуждены были отдавать их в детские дома.

Невозможность прокормиться вынуждала детей из сельской местности идти в батраки в зажиточные семьи, либо беспризорничать. Ребята в поисках пропитания уходили из деревень в город. В связи с отсутствием мест в детских учреждениях большинство таких детей становились малолетними «жителями улиц». Бедственное положение в сельской местности являлось основной причиной

роста детской беспризорности на протяжении 1920-х гг. По данным народного комиссариата просвещения в 1926 г. одним из главных источников беспризорности стала деревня, откуда дети бедноты, сироты и полусироты, не находя помощи на месте, голодные, раздетые шли ее искать в город. Районные исполкомы, сельсоветы, комитеты взаимопомощи в этом направлении могли бы много сделать, но не будучи заинтересованы в этом вопросе и не имея средств, они фактически стояли поодаль. Особенно большой наплыв сельских «батрачков» наблюдался в 1928 г. [25, л. 16–18]. В это же самое время республиканские власти заявили, что «заработная плата, не удовлетворяющая в начале эпохи мирного строительства даже прожиточного минимума, доведена сейчас до размеров, значительно больших, чем довоенные» [26, ст. 269. с. 755]. Тем не менее резкого улучшения материального положения населения не произошло.

Таким образом социально-экономическое положение населения на территории Беларуси значительно ухудшилось с началом Первой мировой войны. В начале 1920-х гг. после прокатившихся военных действий и революций оно стало просто угрожающим. Введение новой экономической политики, восстановление народного хозяйства несколько улучшили положение дел, однако уровень жизни населения оставался крайне низким. Во второй половине 1920-х гг. экономические и социальные условия жизни населения можно охарактеризовать как тяжелые. Основными причинами являлись аграрная перенаселенность, безработица, экономические просчеты в народном хозяйстве страны. Тем не менее, стоит отметить усилия властей по повышению материального благосостояния населения.

Использованные источники и литература

1. Развитие экономики Белоруссии в 1921–1927 г. / под ред. Ф.С. Мартинкевича, В. И. Дрица. – Минск, Наука и техника, 1973. – 335 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 11.
3. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 148.
4. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 103.

5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 5 : Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2006. – 615 с.
6. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 120
7. ГАООГО. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 702.
8. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 152.
9. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэту КП(б)Б. – Менск, 1930. – 182 с.
10. Самцэвіч, В. Як жывуць і працуюць вучні нашай гарадзкой школы / В. Самцэвіч // Асвета. – 1927. – № 4. – С. 90–95.
11. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 320. – Оп. 1. – Д. 303.
12. Шалканоўцаў, П. Дзіцячыя арганізацыі ў вясковай школе / П. Шалканоўцаў // Асвета. – 1928. – № 3. – С. 53–56.
13. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 52.
14. Завалеев, Н. Е. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм / Н. Е. Завалеев. – Минск : Наука и техника, 1967. – 314 с.
15. Отчет о деятельности Наркомтруда БССР за период дек. 1925–окт. 1927: к 6 Всебелорусскому съезду профсоюзов. – Минск, 1927. – 25 с.
16. XII-му з’езду КП(б)Б. Матэрыялы да справаздачы Цэнтральнага Камітэта КП(б)Б. – Мінск, 1929. – 99 с.
17. ГАМО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 344.
18. Сорокин, П. Современное состояние России / П. Сорокин // Новый мир. – 1992. – № 5. – С. 161–191.
19. Иванов, Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 28–43.
20. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Фонд 6577. – Оп. 1. – Д. 137.
21. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 1. – Д. 31.
22. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 212.
23. ГАМО. – Фонд 1193. – Оп. 1. – Д. 14.
24. НАРБ. – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1788.
25. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 423.
26. Ко всем трудящимся БССР: Обращение Президиума ЦИК и СНК БССР по поводу Десятой Годовщины Октябрьской Револю-

ции, 31 дек. 1927 г. // Собр. узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1927. – № 51. – Ст. 269.

СНАПКОЎСКИ У.Е. ЯК ЗАСНАВАЛЬНИК НОВАГА КІРУНКУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУЦЫ

Стралец М. В.

г. Брэст, БрГТУ

22 мая 2019 г. споўнілася 65 год з дня народзінаў прафесара кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ўладзіміра Еўдакімавіча Снапкоўскага. Уладзіміра Еўдакімавіча я ведаю ўжо 35 гадоў, з таго часу, калі ён быў афіцыйным апанентам маёй кандыдацкай дысертацыі. У яго вачах заўсёды чытаецца мэтанакіраванасць, грунтоўнасць, імкненне сканцэнтравання на сапраўды сур’ёзных справах. Перад намі талент, які заслугоўвае самых гучных эпітэтаў. Таленавітасць доктара гістарычных навук, прафесара У.Е. Снапкоўскага адчуваецца пры азнаямленні з любой з яго навуковых прац. Іх колькасць пераваліла за тры сотні. Шэраг яго артыкулаў надрукаваны за мяжой (Аўстрыя, ЗША, Польшча, Расія, Украіна). У навукоўца вельмі ўнушальны індэкс цытуемасці. Рэцэнзіі на яго кнігі надрукаваны ў часопісах Рэспублікі Беларусь, блізкага і далёкага замежжа. Аўтары рэцэнзій аднадушныя ў тым, што ўладзімір Еўдакімавіч здольны выразна сфармуляваць навуковую праблему і затым вырашыць яе, абагульняючы велізарны факталагічны масіў і робячы абгрунтаваныя высновы.

Гэты чалавек упершыню сур’ёзна заявіў пра сябе як навуковец амаль сорак гадоў таму, бліскуча абараніўшы дысертацыю на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па тэме “Палітыка ГДР у адносінах ФРГ – важны элемент разрадкі міжнароднай напружанасці (1970-я гады)”. Але ў далейшым ён будзе звяртацца да германскай гісторыі фрагментарна і ў асноўным сканцэнтруецца на гісторыі знешняй палітыкі Беларусі.

Вывучэнне навукоўцам гісторыі знешняй палітыкі Беларусі можна падзяліць на два этапы: савецкі і постсавецкі. Ёсць таксама падставы для падзелу першага этапа на два падэтапы. Першы падэтап меў у якасці галоўнага выніка выхад трыццаць чатыры гады таму яго самай першай манаграфіі пад назвай “Белорусская ССР в